

Наша жизнь

ВБЛИЗИ РОССИИ

В этом году, как и в прошлом, я ездила по делам Движения в Чехию, Польшу и Прибалтику. На всю поездку у меня было всего 20 дней и, поэтому, в каждом городе я могла пробыть только очень короткий срок. Если приезжаешь в город, где есть уже кружок, состоящий в Движении, то просто приходишь на собрание, рассказываешь им о жизни молодежи в других странах и этим как бы укрепляется чувство единства, сознание общего дела. Совсем по другому приезжаешь в города, где кружков еще нет или где приходится в первый раз говорить о Движении с русской молодежью. В этом году мне мало пришлось сталкиваться со студенчеством — я ездила главным образом к гимназистам и гимназисткам, первая моя встреча с русской гимназией была в моравской Тшебове. Там вообще совсем особая жизнь. там новая Россия... За эту поездку я вообще так близко прикасалась к России и везде она была разная. В Польше — в Луцке, Владимир-Волыньск, Почаев — там земля русская, население русское, речь русская, но приедешь туда, и на душе какое-то смутное ощущение. И то, да не то. Как будто сон, как будто все это не настоящее, только так — где-то, почему-то сохранившийся остаток старого, ушедшего навсегда. И в Риге на московском Форштадте весь уклад жизни русский, старинный, там не земля и язык, как в Польше, — там быт русский, там своя, независимая от событий мира — русская прежняя жизнь.

А в моравской Тшебове иное. Там земля чужая, и дети, и преподаватели — эмигранты, прошедшие через все этапы русского беженства, там не сохранение старой жизни — там новая, русская подлинная жизнь. И много творческих сил в этой жизни. Трудно описать русскую гимназию в моравской Тшебове, нужно поехать и посмотреть. Помещена она в бывшем лагере для военнопленных, за городом и является как бы небольшим русским поселком, там несколько больших барачных корпусов и у них все свое — и пекарня, и слесарная, и сапожная мастерская, и гимнастический

зал, и больница. И все русское. Я приехала туда вечером и шла пешком из города в лагерь — путь мне указывала русская песня. Вдали кто-то пел дружно, весело, громко. «Как ныне собирается вещий Олег» я сразу поняла, что это в лагере поют мальчики и уверенно шла на их голоса. В Тшебове я пробыла 4 дня, говорила с девочками по группам с 1 и до 8 класса. Обыкновенно по вечерам, после занятий я приходила в дортуар и мы беседовали. Говорили о современной русской жизни, о нашем будущем и долге русской молодежи перед родиной и Церковью. У всех девочек от 1-го до 8-го класса так много сил молодости, так открыта перед ними жизнь. И я так верю, что эти силы и жизнь они сумеют отдать служению России и Церкви и не побоятся трудностей, ожидающих в будущем всех нас!

Из Тшебова я поехала в Брно и Братиславу. Там была в кружках Движения — это особое чувство — приезжаешь, как к своим близким. Потом Польша — Львов, Варшава, Луцк, Почаево.

В Львове провела один день, была на собрании кружка, рассказывала им об англо-католической конференции. Казалось, что всех членов кружка я уже давно знаю, так просто и легко, и хорошо у них. В тот же день поехала в Почаев — станция Кременец и оттуда 25 верст на лошадях — метель, снег, русский ямщик, расписаны сани. Почаев, громадный русский монастырь, прекрасные храмы, громадные здания, но штукатурка осыпается, крыши во многих местах протекают. Приехала как раз к службе, в церкви — молебен с акафистом перед Чудотворной иконой Божией Матери — прекрасный хор, торжественная служба — храм полон народом, народ русский и православный, давно не видала таких.

Показали нам лавру, поклонились святыням и поздно вечером отправились в обратный путь. Метель так разыгралась, что едва можно было различить очертания телеграфных столбов. Два раза останавливался мой ямщик, стараясь не потерять путь. По дороге он рассказывал мне о своей

жизни, бедности, большой семье, говорил он тихо, скорбно — каким-то особенным русским языком.

На следующее утро я была в Луцке. Небольшой полурусский полуеврейский городок. Днем говорила с группой девочек из гимназии, вечером в самой гимназии была елка и спектакль; там в одной из раскрашенных по-праздничному комнат под звуки оркестра и шум голосов, мы, собравшись небольшой группой с девочками и мальчиками 8-го класса — выработывали программу кружка, избирали председателя, назначали день собрания и уславливались о поддержании связи с Парижем и всем Движением. Поздно вечером я выехала в Варшаву. Там было студенческое собрание, созванное профессором Н.С. Арсеньевым. Н.С. рассказывал об англо-католической конференции, я немного добавляла и рассказывала о Движении. Молодежи в Варшаве много, но кружка, связанного с Движением, там пока еще нет.

Из Польши я торопилась попасть во время в Ригу, чтобы застать там еще проф. Зеньковского и присутствовать на собрании всех кружков. Собрание прошло очень оживленно, в нем принимали участие все 3 кружка, состоящие в Движении и приглашенные ими — всего до 150 человек. После доклада Вас. Вас. о задачах русской молодежи аудитория обращалась к профессору Зеньковскому с таким количеством разнообразных вопросов, что после окончания прений казалось, что не осталось ни одного вопроса, которого бы мы не коснулись. Мы рассмотрели наше прошлое, настоящее и будущее; уяснили разницу между католичеством, протестантизмом, сектантством, теософией и православием, и наметили пути работы для русской молодежи. После доклада был чай только для членов кружка, во время которого мы наметили и устройство первого прибалтийского съезда Движения. Связь наша с Ригой особенно укрепилась после приезда 2 делегатов в прошлом году на съезде в Клермоне. Кроме кружков Движения, там существуют еще кружки девочек, собирающиеся при Христианском

союзе молодых женщин. В Риге сильно и правильно развита общественная жизнь.

Совсем особое место в этой жизни занимают старообрядцы. Живут они, главным образом, в одной части города, называемой московским Форшатом. У них свои школы, громадный храм-молельня со старинными редкими иконами и в целости сохранившийся русский быт. За них не страшно, что молодежь их потеряет русское национальное лицо. Православная и старообрядческая молодежь в Риге только начинает подходить друг к другу, но в их окончательной встрече лежит залог их общего богатства.

После Риги я поехала на один день в Юрьев.

В Юрьеве студенческий кружок подготовил к моему приезду возможность встретиться мне с учениками русской гимназии. В 9 ч. утра все классы с 5-го по 8-ой собрались в зале. Целый час мы говорили о задачах русской молодежи. По окончании нашей беседы было решено вечером встретиться с представителями от всех классов. В 5 ч. я вновь была в гимназии. Представителей пришло 80 чел. мы долго обсуждали вопрос организации кружков и наконец решили устроить 4 кружка (5-го, 6-го, 7-го и 8-го класса). Все они будут заниматься литературно-религиозными вопросами и будут поддерживать связь с Движением.

Поздно вечером уезжала обратно в Париж и казалось, что от соприкосновения с этой русской молодежью рождались новые силы и надежды на наше русское будущее.

Н. Зернова

Париж

КОМСОМОЛЕЦ

За последнее время все большее значение в жизни Движения в Париже стал приобретать юношеский клуб на Montparnass'e, собираемый каждый четверг содружеством молодежи во имя Пресвятой Богородицы. Цель клуба – дать возможность своим членам провести один вечер в неделю в хорошей русской атмосфере. Нужда в этом велика и по четвергам зал Montparnass'a наполняется регулярно молодежью от 14 и до 22-летнего возраста, которой бывает от 50 до 80 человек. Обычно вначале бывает краткая лекция, чтение писателями своих произведений или же небольшой концерт, потом молодежь играет, танцует и беседует между собою. Клуб открыт от 7 до 10 вечера.

Недавно на одном из таких собраний вместо обычного доклада члены клуба услышали рассказ о жизни комсомола из уст одного из бывших его членов, 16-летнего юноши, недавно бежавшего из советской России. Его рассказ касался почти исключительно настроений комсомольцев. Он говорит, что современный состав комсомола в массе своей безыдейный; в него идут, главным образом, лица, желающие выдвинуться и хорошо устроиться, но параллельно с комсомолом растут и другие организации молодежи, баптомол и христомол (Баптистский и Христианский союз молодежи), которые, несмотря на борьбу с ними власти, имеют уже более миллиона членов, преимущественно среди крестьянской молодежи. Но и в комсомоле есть много недовольных. Сам этот юноша участвовал в одной из нелегальных комсомольских организаций, был арестован и бежал за границу. Закончил он свои слова призывом ко всей молодежи немедленно начать работу по освобождению России. Но главный интерес собрания заключался не в содержании доклада, а в самой фигуре докладчика, а также в отношении к нему нашей молодежи. Перед нами говорил живой представитель той комсомольской молодежи, о которой мы так много слышим, и на которую возлагает так много надежд советская власть. Маленький, коренастый юноша, 16 лет, говорил, конечно, и повторяясь, и запинаясь, но говорил бойко, умело и привлекая к своим словам внимание слушателей, и

чувствовалось, что он давно привык выступать перед аудиторией и участвовать в диспутах. Но за этим внешним лоском молодого политика проглядывало другое лицо русского мальчика издерганного, измученного, преждевременно состарившегося и не выдавшего ничего, кроме зла, разврата и насилия в своей жизни. и этот русский мальчик уже отравлен сладким ядом политических выступлений; он не хочет ни учиться, ни работать, он хочет спасти Россию, издавать газету, возвращаться на родину для новой политической борьбы, и в этих стремлениях было так много русского порыва, и, вместе с тем, так много неверного, извращенного взгляда на жизнь. И когда он звал нашу молодежь отдать свои жизни для спасения Родины, идти на активную борьбу с большевиками, то вспомнилась мне другая картина — русская молодежь 20, 25 лет тому назад. Тот же порыв, непонимание ни жизни, ни государственного строительства, там же вера в бомбы, и в револьверы и, наконец, та же смешная самоуверенность недоучек-семинаристов, гимназистов, считавших себя призванными спасти и управлять своей родиной, но тогда эта молодежь была левой, спасение России было для них связано с уничтожением царского строя, а теперь-то думает, чего хочет наша новая молодежь? Во многом ли изменилось ее отношение к жизни? Аудитория клуба на этот раз была очень смешана. Кроме обычных посетителей четверговых собраний набралось много и случайной молодежи, были и представители ее политических объединений, преимущественно, крайне правых. Эта молодежь бурно приветствовала рассказчика. Видно было, что в ее лице он нашел своих единомышленников, горевших желанием немедленно начать чистку России, правда во имя уже новых политических идеалов, но старыми революционными средствами.

Другие же молчали и невольно рождалось недоумение, а что же думают они, это большинство, как мыслят они свое служение Родине. Молодежь встrepенулась, говорить хотелось еще многим, но время уже истекло и собрание закончилось мудрым и спокойным пастырским словом случайно присутствовавшего среди нас отца Булгакова.

Его призыв к покаянию и к обращению к голосу христианской совести, однако, успокоил далеко не всех участников Движения, в отдельных группах шла оживленная беседа.

В этих спорах молодежи нередко слышалось противопоставление жертвенного служения Родине и «христианского» непротivления злу. Это противоестественное соединение христианства и непротivления злу было грозным приговором нам, современным христианам, услышанным из уст нашей же молодежи. Мы, христиане, мало боремся со злом и в нашей личной, и в общественной жизни, и поэтому бессильны наши попытки создания и христианского государства. Мы, старшие, об этом говорим и пишем, но дел наших не видно, и молодежь наша, чувствуя наше бессилие, верит нам. И потому она и не понимает, что непротivление злу есть прежде всего разнуздывание своих собственных страстей, а совсем не отказ бросать бомбы в тех лиц, которые кажутся нам вредными для жизни государства.

Но на этом собрании я так и не мог узнать, что думает обо всем этом другая часть молодежи. Потом уже после я имел еще несколько встреч и разговоров. Они показали мне, что большая внутренняя работа совершается в душах многих наших юношей и девушек. И особенно один ответ удивил меня. Я спросил 17-летнего юношу, что, думает он, можем мы делать здесь для служения России. Он мне ответил, не колеблясь, — воспитывать хороших, честных русских людей. И сам он, спокойный, здоровый и верующий, был тот человек, которого ждет наша страна. Много ли таких? Не знаю. Наверное, сравнительно очень мало. Но он будет православным русским человеком, строителем жизни. И каждый из таких людей стоит тысячи расшатанных, недоучившихся, по своему героических, но глубоко несчастных русских людей.

И если наша эмиграция даст России всего только несколько сот таких настоящих православных культурных деятелей, то и тогда ее значение будет огромно, и все наши жертвы, лишения и испытания не пропадут даром.